

Гуань Яо отряхнул руки от крошек:

— Чу Мин сделал её своей наложницей, и она родила ребёнка.

— Это... это ребёнок Чу Мина? — Сун Юй смотрел с недоверием.

Гуань Яо колебался:

— Я не выяснял, но, вероятно, да. Впрочем, это нас не касается.

— Хм, — Сун Юй раздавил скорлупу арахиса в руке. — Он так позорно ведёт себя, зачем ты унижаешь себя ради него?

Гуань Яо притворно улыбнулся, пытаясь успокоить его:

— Это не унижение. Между мной и Чу Мином всё по взаимному согласию.

— Брат, зачем ты его защищаешь? Он человек с такой чёрной душой, — Сун Юй с гневом нахмурился.

— Эх, я завишу от него, мне нужно выживать, — Гуань Яо взял горсть арахиса. — Живу день за днём.

Сун Юй не стал продолжать тему и сменил разговор:

— Как обстоят дела на юго-западе?

— Пока всё спокойно, Лян Лин всё ещё просит вернуться в Фуцзин, — спокойно ответил Гуань Яо. — Но, думаю, двор не позволит ему вернуться.

— Военная власть разделена на три части, в Фуцзине остались только городские войска. Почему император не позволяет генералу Лян вернуться? Что он замышляет? — Сун Юй выглядел обеспокоенным.

Этот вопрос задел болезненную тему для Гуань Яо:

— На северо-западном пограничье Цзинъюнь и князь Ци разделили половину войск, Лян Лин управляет элитными войсками юго-запада, а маршал Лян Чжунгуй был отправлен на северную границу. Фуцзин пуст, и это меня беспокоит.

Сун Юй задумался:

— Неужели Чу Дэн устал быть императором?

— Эта империя уже сто лет принадлежит роду Чу, но истощение сил народа — вот что должно беспокоить нас... — Гуань Яо вздохнул.

Южные горы прекрасны, их снега плывут в облаках.

На улице начал падать густой снег. Крепость Хэйяо находилась на склоне горы, и каждый декабрь она покрывалась белым покровом.

За новогодним столом не хватало места Сяо Каня, и несколько сердец тоже чувствовали пустоту.

Но, упомянув Сяо Каня несколько раз, все молча перешли к другим темам.

На самом деле, каждый из них беспокоился, хорошо ли Сяо Кань питается и одевается на границе, скучает ли он по дому.

Крепость в этом году была такой же оживлённой, как и всегда, несмотря на отсутствие Сяо Каня.

После ужина в восточной части лагеря расчистили площадку перед кухней, разожгли костёр и поджарили двух баранов. Старик Ли приказал принести несколько больших кувшинов вина, и вся крепость готовилась встретить Новый год по старой традиции.

— Линь, кажется, сблизилась с Шао Ю? — Гуань Яо подошёл к Сун Юю и, глядя на толпу вдалеке, спросил.

Сун Юй улыбнулся по-взрослому:

— Дела молодёжи мне не понять.

— Чунцзинь, ты говоришь так, будто сам уже старик, — Гуань Яо похлопал его по спине.

Сун Юй покачал головой:

— Брат, ты тоже молод, живи полной жизнью.

— Разве я не живу? — Гуань Яо рассмеялся и, обняв его за плечи, повёл к толпе. — Пойдём, выпьем немного.

На этот раз Сун Юй не отказался и, сев у костра с Гуань Яо, поднял чашу для тоста.

В шуме и веселье пламя костра, казалось, могло достичь небес, освещая лицо Сун Юя.

В какой-то момент Гуань Яо увел Чжао Линьцзяна, и Сун Юй, потеряв интерес, выпил ещё немного вина и ушёл.

В этом году везде горели огни, но только в покоях Цинъюань не было ни одного света.

Сун Юй на мгновение замер во дворе, всё казалось таким пустым, что становилось жутко.

Он открыл дверь в комнату Сяо Каня, не зажёл свет, снял верхнюю одежду и лёг на кровать.

Об этом Сяо Кань, находящийся далеко на границе, ничего не знал.

После отъезда Сяо Каня Сун Юй больше не спал в своей комнате.

— Цинъюнь... — Сун Юй, завернувшись в одеяло, невольно прошептал.

Мысли о тебе, как свеча, сжигают сердце и вызывают слёзы.

Если первые двадцать лет жизни Сун Юя можно было считать пустыми, то эти полгода казались вечностью.

Сун Юй часто жалел, что отдал своего Цинъюня государству и войне. Что, если меч ранит его Цинъюня? Что, если война заберёт его племянника?

Каждая ночная фантазия и предположение были наказанием для самого Сун Юя.

Сколько же лет пройдёт, прежде чем он вернётся?

.....

В бамбуковой хижине.

— Дядя Яо, ты слишком много выпил, — Чжао Линьцзян помог слегка пьяному Гуань Яо дойти до кровати. — Ложись.

— Немного, — Гуань Яо прикрыл глаза, бормоча:

— Сними, сними мне обувь, я устал.

— Хорошо, — такой тон и отношение пришлись Чжао Линьцзяну по душе. Он, обрадовавшись, присел и снял с него обувь.

Гуань Яо сбросил верхнюю одежду и тут же лёг.

— Почему ты так устал? — Чжао Линьцзян накрыл его одеялом и с жалостью погладил его лицо.

Гуань Яо инстинктивно отвернулся, бормоча:

— Спина болит, не надо, не надо больше...

— Спина болит? У тебя болит спина? — Чжао Линьцзян с тревогой спросил. — Дядя Яо, у тебя болит спина?

Гуань Яо, казалось, уже погрузился в сон и не слышал слов Чжао Линьцзяна.

— Дядя Яо, дай я посмотрю, повернись.

Чжао Линьцзян перевернул его, снял одежду и тут же был ошеломлён увиденным.

На спине Гуань Яо было несколько красных и фиолетовых следов, явно от ударов кнутом.

Кроме следов от кнута, на плечах, лопатках и боках были также следы от укусов разного размера.

Чжао Линьцзян скривил губы, боль в сердце была сильнее гнева.

Когда он был побеждён Гуань Яо и скатился с каменной лестницы, он даже не поднял на него руку.

А теперь кто-то посмел так обращаться с человеком, которого он так любил. Чжао Линьцзян был на грани безумия.

Когда Чжао Линьцзян наносил мазь на спину Гуань Яо, он едва сдерживал слёзы.

Но Гуань Яо спал так крепко, что ничего не чувствовал.

— Дядя Яо... — Чжао Линьцзян чувствовал себя ужасно обиженным.

Чжао Линьцзян, будь то перед старшими или младшими, всегда был выдающимся, спокойным и немногословным молодым человеком.

Его мать умерла при родах, и за все эти годы Чжао Линьцзян почти не плакал.

До этого Чжао Линьцзян считал свою жизнь гладкой и беззаботной, пока он не украл сердце Гуань Яо и не признал своё поражение.

Или, скорее, те, кто был с Гуань Яо, не могли не признать поражения.

Гуань Яо был человеком, который знал, как заботиться о других, был элегантен, остроумен, обаятелен даже в упрямстве. Он всегда был хорошо одет, знал множество стихов, искренне относился к людям, заботился о мире... Всё это завораживало.

Чжао Линьцзян провёл пальцами по его спине, этой белой и гладкой спине, которую он касался бесчисленное количество раз, но никогда не чувствовал такого трепета.

Нанеся мазь, Чжао Линьцзян обнял его. Гуань Яо спал, как в забытьи, иногда бормоча что-то невнятное.

Гуань Яо всегда был чрезвычайно умным и рациональным человеком, будь то в общении с людьми или в отношениях.

И Чжао Линьцзян знал, что ему всегда не хватало размышлений в любви, но он верил, что искренность — это ключ к победе в игре чувств.

Думая об этом, Чжао Линьцзян почувствовал себя немного лучше. Он поцеловал уголок глаза Гуань Яо и уснул рядом с ним.

На следующий день Гуань Яо проснулся один.

— Что я... вчера? — Гуань Яо потёр виски, пытаясь вспомнить события прошлой ночи. — Чжао Линьцзян...

Он встал с кровати, вышел в другую комнату, чтобы умыться, и, вернувшись, увидел еду на столе. Затем Чжао Линьцзян вошёл с чайником.

— Дядя Яо, ты проснулся, — Чжао Линьцзян с теплотой в глазах подошёл, взял чашку и налил горячий чай. — Осторожно, горячо.

Гуань Яо взял чашку, чувствуя странное неудобство:

— Ты...

— Голова болит? — Чжао Линьцзян потрогал его лоб.

Гуань Яо покачал головой:

— Нет.

— Спина ещё болит? — Чжао Линьцзян спросил тихо, но с заботой.

Спина болит? Гуань Яо задумался, в голове тут же всплыли несколько сцен насилия, но он сделал вид, что всё в порядке:

— Ничего серьёзного.

— Кто это сделал? — Чжао Линьцзян сжал зубы.

— Это не твоё дело, — Гуань Яо сам сел за стол.

Чжао Линьцзян едва сдержал гнев, накладывая еду:

— Скажи мне.

— Это были бандиты, следы от драки, — небрежно ответил Гуань Яо.

Чжао Линьцзян сел и положил ему еду:

— Это была драка или... что-то другое?

Гуань Яо остановил палочки:

— Я сказал, это не твоё дело.

<http://bllate.org/book/16311/1471650>